

Антонина СЫТНИКОВА

Сытникова Антонина Семёновна родилась в 1955 году в селе Дерновое Сумской области. Автор четырёх поэтических сборников и детской книжки-раскраски «Умный король». Произведения публиковались в коллективных сборниках, в крупных литературных изданиях России и Украины. Лауреат ряда всероссийских поэтических конкурсов. Лауреат региональной премии имени А.А. Фета (Курск) и всероссийской премии «Вешние воды». Член Союза писателей России. Поэт. Живёт в Орле.

ПРОШЛОЕ, ГРЯДУЩЕЕ РАЗЛИЧИТЬ НЕ В СИЛАХ Я

* * *

Стрелка Орлика и Оки
Прежних дней открывает дали.
Были воды здесь глубоки,
Издалёка суда встречали.

Обмелела Ока с тех пор,
Дышит зрелостью и покоем,
И купцов заполошный хор
Не разносится над рекою.

Только утки сейчас галдят,
Когда их горожане кормят,
Где искусственный водопад
Под мостом через тихий Орлик.

Я люблю приходить сюда,
Где сливается воедино
Двух аорт городских вода
И мерцает ультрамарином.

Где подспудно хранит Орёл
Тайны древние и не очень,
За столетия приобрёл
Город сонмище многоточий...

Проявляется вразнобой
(То ли грезится, то ли снится)
Чья-то радость и чья-то боль
На дрожащих Оки ресницах.

С БЕЗВРЕМЕНЬЕМ НАЕДИНЕ

Сквозь боль и опыт, кровь и ужас
Победа силилась взойти,
Страна, вдруг стойкость обнаружив,
Старалась перекрыть пути
Врагу-садисту. Мир терзая
Тот сеял, сеял смерть вокруг.
И, когти в каждый метр вонзая,
Был многоног и многорук.

Мой дядя не успел увидеть
Освобождённый отчий дом.
Он, не умевший ненавидеть,
Был жгучей яростью ведом,
Когда бросал свой танк бесстрашно
В заведомо неравный бой,
В кулак зажав и стыд вчерашний,
И нескончаемую боль.

Тогда же снилось: утром мгlistым
Он трактор в поле выводил.
Хлопок, почти такой, как выстрел,
Тревогой смутною будил
Округу мирную. Над липой
Взмывали мрачные грачи
И с высоты грозили хрипло,
Направив вниз носы-мечи.

И лишь команда: «По машинам!»
Сон не давала досмотреть.
И снова — твёрдая решимость
Бой принимать сейчас и впредь.
Теснить врага и не сдаваться,
Освободить за пядью пядь,
И может всё-таки дожидаться
Возможности родных обнять...

Не знаем даже где могила.
О, сколько их, таких как он,
Земля навеки поглотила,
Развевая след, как смутный сон.
И только в память о минувшем,
С безвременьем наедине,
Мерцают в небе искры-души
Погибших в праведной войне.

МАТЬ

*Памяти моей бабушки
Давыдовой Домны Стефановны
посвящается*

Три сына, три богатыря
Ушли на фронт в годину лиха,
Лишь только теплилась заря
Пред образом молилась тихо.
Надежду берегла внутри,
Как негасимую лампаду,
Чтобы домой вернулись три —
Все три её родимых чада.
В том, леденящем кровь, году
Жила мечтами и под спудом
Пыталась удержать беду —
Ей так хотелось верить в чудо.
И всё же сердце обожгли
Две «окаянные бумаги».
Рыдать бы надо — не могли
Глаза излить целебной влаги.
Душа, как с трещиной скудель*,
Сочилась горечью полынной.
И бездна страха каждый день —
До самой встречи с младшим сыном.

* Скудель — глиняный сосуд.

* * *

Вновь солнце ласкает косыми лучами
Февральский безоблачный день,
И светом с небес прогоняет печали
Нависшую мрачную тень.

Печали моей о судьбе Украины,
Стоящей на стыке дорог,
Опутанной сетью густой паутины,
Чьё имя — коварство, враньё и подлог.

Горючей печали о русской судьбине
Суровой издревле. И вновь
Скоплением ягод на горькой рябине
Алеет славянская кровь.

И падают капли на русскую землю,
Как было не раз и не два.
Тому, что случилось, с тревогою внемлю,
Теряя от боли слова.

И в полном молчании к небу взываю,
И милости Божьей прошу.
На страже вся память моя родовая,
Которую в сердце ношу.

* * *

Как стыдно и горько. Бежали от Харькова,
Оставив поверивших нам.
А в это же время салютами яркими
Светилась, гремела страна.

И лобстеров кушало племя бесчестное
В московских хмельных кабаках,
Когда вокруг Харькова, в земли окрестные,
Каратели сеяли страх.

Здесь хохот стоял
 под большими софитами,
И зрелищ несли ассорти.
Помилуй нас, Боже! С такими элитами
Как можно куда-то идти?!

* * *

Вечер сизым голубем
Снег клюёт за окнами,
И сугробы горбятся
Валунами плотными.
Путники случайные
По домам торопятся.
Гостя жду. И чайные
Чашки наособицу
В блюдечки поставлены.
Пустотой терзаются.
Мглой вечерней сплавлено
Время осязаемо.
Прошрое, грядущее
Различить не в силах я.
Скорби вездесущие...
Где же ты всеилие
Счастья бесконечного
И любви безудержной?

Ощущенья вечности
Бытия-жемчужины
Драгоценной, радужной,
Нежности обилия,
Без причины радости...
Где же ты вселили?
Заползают в душу мне
Сумерки вечерние.
Прячется радушие
Мягкого свечения
То ли дня ушедшего,
То ли жизни прожитой.
Сумерек нашествие
Неуклонно множится.
Свет включу я в комнате —
Полумрак рассеется.
Лучшее — запомнится.
Худшее — развеется.

* * *

Всего темнее ночь перед рассветом,
Уходит одинокая звезда,
И, замерев с последним вздохом ветра,
Еще черней становится вода.
Теряют очертания предметы,
И кажется, что это навсегда,
И время, как резиновая лента,
Все тянется и тянется тогда.
Но вдруг расколет небо всполох алый
Вновь наступившей утренней зари
И, разорвав ночное покрывало,
Ярчайшим светом землю озарит.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК

Снег невесомый так редко и медленно
Падает с неба, словно во сне.
День удивительный, нежный,
безветренный,
Стелет холстом свежевыпавший снег.

Чтобы земля к величайшему празднику
Стала красивой, как никогда.
Полнится сердце снежной радостью —
Скоро взойдет на востоке звезда.

Первым лучом пробежится по маковкам
Над куполами неспящих церквей.
Может мне грешной достанется капелька
Света живого, чтоб стали живей

Вера моя и любовь изначальная,
Радость и нежность в бессмертной душе.
А неприятности, даже случайные,
Жизни моей не касались уже.

Может для этого тихо, торжественно
Сыплется сверху ангельский пух,
Чтоб, в красоте
растворившись божественной,
Мы открывали хорошему слух.

